

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 -- август 1845.

Редактор тома Г. А. Соловьев. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примечания Ю. С. Сорокина.

М., "Художественная литература", 1981.

[OCR Бычков М. Н.](#)

ТАЙНА ЖИЗНИ. Соч. П. Машкова. Санкт-Петербург. 1845. В тип. Штаба Отдельн. корп. внутр. стражи. В 16-ю д. л. 147 стр.

Да здравствует новый, 1845 год! Ему нечего завидовать старому, 1844 году! Если 1844 год имел полное право гордиться г. Брантом и его бесподобным романом "Жизнь, как она есть"¹,-- 1845 год имеет не меньшее право гордиться г. Машковым и его восхитительным романом "Тайна жизни". Да здравствует жизнь! Благодаря двум этим гениальным сочинителям мы теперь овладели жизнью, знаем ее вдоль и поперек, знаем ее и *как она есть*, знаем и *тайну* ее... После этого нам ничего не стоит сказать, что такое эта жизнь, над значением которой столько мыслителей, столько поэтов столько тысячелетий напрасно ломало себе голову. Жизнь -- это... это... да это просто-напросто плохой роман бездарного писаки... Самая простая вещь, как видите; а вы думали, что это и невеста что такое, чудеса подозревали!

"В одной из южных губерний России роскошно расстилается огромное поместье, принадлежащее князю Громславскому". --

"Князь Громславский был один (*одним?*) из числа тех надменных гордецов, которые, подобно ракете, стремятся возвыситься и, хотя на одно мгновение, поразить взоры зрителей". -- "Редко можно встретить столь прекрасное местоположение, которым пользуется поместье князя: природа и искусство, кажется, вырывают там друг у друга лавр первенства". Поместье князя, по всем вероятностям, находилось в Крыму, потому что "в особенности восточная сторона поместья, *обрисованная горами*, представляет самую живописную картину, *достойную кисти гения*. Горные уступы, *облокотившиеся* один на другой, *как пышные руины Вавилонского столпотворения*, погружают зрителя в невольную задумчивость. Смотря на них, взоры поражаются чем-то *грозно прекрасным*. Окрестные жители не напрасно называли их солнечными горами. Из-за них солнце величественно выплывает на *воздушный океан*, оживляет луга и долины. В эти утренние минуты ничто не может сравниться с красотой *сих исполинов природы*. Чтоб видеть столь очаровательное зрелище, надобно прийти к подножию гор в то время, когда утренняя звезда начинает бледнеть на *бирюзовом куполе вселенной*; когда *магический сон лелеет* еще в *своих объятиях* темные рощи и *таинственное молчание благословляет мечты любви и поэзии*. Вот минуты, в которые солнечные горы призывают поэта, и он, *объятый священным благоговением*, ожидает *чудного пробуждения мира*... Он смотрит на горы, как на *гроб*, из которого должен воскреснуть лучезарный *царь дня*, а с ним и всеобщая жизнь, забота, радости и человеческая суeta"². Но лучшим украшением этого очаровательного местоположения была Лидия, дочь князя: ее все любили, и старые и молодые; а она не любила светских удовольствий, предпочитая им "роскошь дня и меланхолическую тишину ночей"; любила она еще музыку, литературу и все, что прилично любить героине романа. За все за это ее полюбил отставной поручик Венедикт Пронский, молодой, прекрасный собою мужчина, который превосходно играл на скрипке и на фортепьяно, занимался литературою и сделал в ней весьма большие успехи,-- *хоть прекрасные плоды его воображения* никогда не являлись в печати. Но довольно выписок: из них и так видно, что герои романа г. Машкова так же пухлы, надуты, бесцветны, безобразны, как и его слог. Рассказывать содержание романа мы не будем: это путаница самых неестественных, невозможных и нелепых приключений, которые оканчиваются *кроваво*. Поговорим лучше о слоге г. Машкова, образцы которого мы представили читателям; это слог особенный. Он напоминает собою слог "Марфы Посадницы" Карамзина. Говорим это не для унижения знаменитого имени: "Марфа Посадница" -- произведение риторическое; но *в то время* его мог написать только человек с талантом. Шиллер -- великий гений; а "Разбойники" его все-таки детское произведение. Если мы будем их рассматривать, как современное нам произведение, они будут еще и смешным и жалким произведением; но если взглянете на него, как на произведение известной эпохи,-- то не можете не признать в нем гениального творения, несмотря на все его недостатки. Но о Шиллере мы упоминаем только для объяснения нашей мысли; обратимся к Карамзину. Велика его заслуга даже и в повестях, которые теперь не более, как интересные